

МЫ СИДИМ вдвоем в просторной гостиной и говорим, говорим под стук трамвайных колес, под рокот пролетающих где-то внизу автомобилей, под неторопливый бой старинных часов. Вернее, говорит он, а я лишь время от времени врываюсь своими вопросами в его монолог. Интересно слушать, еще интересней смотреть на человека, которого, как и все мальчишки первых послевоенных лет, знаешь с детства. Играв в войну, мы старались во всем походить на его героя из фильма «Подвиг разведчика». Как и он, измученный болью летчик Мересев, ползли мы к «своим» по заднему двору на Моховой, занесенному снегом до подоконников. Повзрослев, изменили многим детским привязанностям, но неизменной осталась любовь к актеру, учившему нас стойкости, мужеству, умению не сдаваться.

...Он стал совсем седым, наш дорогой Павел Петрович Кадочников. Но по-прежнему молоды и озорны за толстыми стеклами очков его необычайной голубизны глаза. Ничуть не побелели каштановые брови и узкая полоска усов. И нет на его лице ни малейших следов того, что зовем мы старостью. А голос? Звучный, напористый, звонкий, он... Извините, но он становится надтреснутым и дребезжащим — артист превращается в столетнего старца.

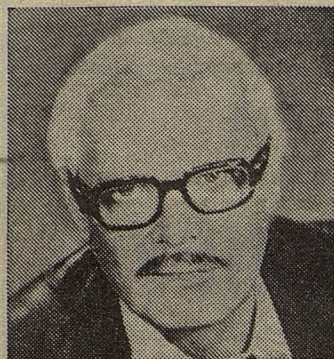
Случилось это вдруг после его слов: «Для меня очень важно и интересно стать тем, кого я пытаюсь играть, прожить его жизнь от начала и до конца. Помните, Станиславский говорил, что всякое искусство начинается с фразы «Если бы...». В самом деле, а если бы у меня сейчас ослабли колени? Согнулась спина? (Надо же, а я еще завидовал его осанке!) Стало трудно дышать? (Астматик, да и только!) Выпали зубы? («Жу-бы», — произносит шамкающий рот). Испортился характер? (Стариковское брюзжание начинает действовать мне на нервы). Старик поник в кресле...

Поразительно... Хотя предвзвешу иронические улыбки: «Подумаешь — чудо... Актеру в семьдесят лет ничего не стоит изобразить немощного старика». Допустим. А если ему не 70? А если всего 20?

В 1935 году на выпускном экзамене Нового ТЮЗа Кадочникова увидел Сергей Юткевич, позже вспоминавший: «Окончилась волшебная сказка о Снегурочке, и в памяти остался Лель — худощавый, стройный, с удивительными, широко раскрытыми глазами. Подкупают правдивость, верность интонаций, какой-то особый лирический строй дарования...». И словно продолжая, режиссер Борис Зон писал об исполнителе роли столетнего деда Тараса в спектакле по пьесе Е. Шварца «Брат и сестра»: «Маленькие глазки, спрятавшие-

ся в глубине нависших косматых бровей, нечесаная с прозеленью борода, сухопарая длиннющая фигура, на которой, как на вешалке, болтается вытертый тулуп, торопливый смешной говорок — все это даже отдаленно не напоминает Кадочникова, только что виденного мной в роли прекрасного Леля».

Высшая похвала актерскому мастерству. В устах руководителя курса Ленинградского ТЮЗа, за семь лет до того впервые встретившего неловкого, нескладного парнишку на вступительном экзамене в театральную студию, эта похвала звучит особенно весомо.

Да, именно к нему пришел Кадочников, опоздавший на две недели к началу экзаменов. Что подвигло на такой шаг скромного осветителя сцены из драмкружка? У него не было специальной подготовки, никто не преподавал ему даже азав актерского искусства. Что он умел?

Совсем недавно семья Кадочниковых вернулась в Ленинград из далекого уральского села, где слово «артист» считалось бранным. Когда приятель отца увидел, как смешно копирует Паша движения, речь, походку соседей, и воскликнул: «Да он же настоящий артист!», — мальчик заплакал от обиды. Ему нравилось быть «всеми». Он ехал в трамвае — и хотел быть кондуктором. Пристраивался за колонной красноармейцев — и уже был одним из них — в новенькой форме, отменной выправки боец. Он хотел быть всеми, кого видел и встречал. Но что же мог он показать экзаменатору? Спеть несколько песен и прочесть свои стихи, других не знал...

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, — пробормотал пятнадцатилетний Паша.

— Ты сам написал эту чепуху?

— Сам, — совсем скиснув, ответил тот.

Зон долго хохотал, а потом сказал, вытирая слезы:

— Ну, хорошо. Я против твоего приема не возражаю.

Везенье? Конечно. Ему повезло на экзаменатора, мудрого и прозорливого человека, разгля-

девшего в забавном паренке одаренную натуру. Этот мальчик прекрасно владел карандашом и мог часами рисовать с натуры. Унаследовав от матери хороший слух и голос, много пел, играл на всех, какие знал, народных инструментах. Сочинял, как вы уже знаете, стихи. Мечтал стать художником, музыкантом, поэтом.

— Я прежде всего благодарю отца и мать, моих самых первых учителей, — говорит Павел Петрович. — Отец — из крестьян, был и рабочим, и служащим, но всю жизнь носил в себе удивительный мир художника. Когда он брал на рыбалку меня и брата,

Встречи

АРТИСТ

то будил нас на зорьке стихами Никитина: «Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг... Рыбаки в шалаше пробудились». И мы слушали, боясь шевельнуться. И при его словах «пронеслись утки с шумом и скрылись» действительно проносились утки. И он, наш отец, казался нам волшебником. Я благодарен ему за то, что он как-то исподволь научил нас любить и чувствовать природу. А мама?

Она обладала прекрасным слухом, пела. У нее было удивительное чувство юмора. А мой школьный учитель Феодосий Васильевич Виноградский? Он научил нас слушать музыку природы. Помню, приводит на озеро и говорит: «Послушайте, как сумерки переходят в ночь. Слышите?» И мы услышали, как застонала выпь, как зашелестели камыши и вслед плывущему облаку потянулась рябь по притихшей воде... И я благодарен Феодосию Васильевичу за то, что красота природы навсегда вошла в наши сердца. Наверное, поэтому я поставил «Снегурочку», всю пронизанную прекрасной музыкой, и «Музыкантов одного полка», и недавний фильм «Я тебя никогда не забуду».

НЕБОЛЬШОЕ отступление. Это только со стороны кажется, что профессия актера легка и приятна. Нет, она требует полной самоотдачи, каждодневного труда. Павел Петрович трудится неистово. Даже в самую тяжелую пору актерской биографии не было у него пустых, не заполненных работой дней. Видимо, потому он любит повторять слова, когда-то сказанные Николаем Константиновичем Черкасовым. Однажды тому задали вопрос: «Как вам удается так многое успеть? Где вы находите время для стольких дел?». «Я его не нахожу, — ответил Черкасов. — Я его просто не теряю».

И потому еще, наверное, любимым персонажем Кадочникова стал дядя Роман из фильма «Сюда не залетали чайки» по повести Астафьева «Перевал».

— Недавно эту картину показывали по телевидению, — говорит актер. — Я смотрел ее с огромным удовольствием, но не потому, что играю в ней, — она очень добрая. Особенно дорог и близок мне мой герой. Когда его в разговоре кто-то спрашивает: «Какая у тебя профессия, дядя Роман?», — он отвечает: «А у меня, знаешь, мил человек, у меня профессий столько, сколько дырок на терке...». Сейчас, перебирая всю свою жизнь, при-

кидываю: а я чему научился? Что умею? Умею, например, сделать табуретку, подшить валенки, косить траву, жать рожь, играть на гармонии, балалайке, жалейке и на гусях...

Все испытывать самому, всему научиться — в этом он весь, человек, который до седых волос не утратил ненасытной любознательности, способности удивляться жизни.

Казалось бы, в разговоре об артисте незачем упоминать его спортивное амплуа. И все же... Кадочников — боксер, фехтовальщик, гимнаст, наездник, мотоциклист, аквалангист, известный ленинградский «морж». Все это неотделимо от него. Он сам прекрасно сказал об этом: «Ритм и темп современной жизни настолько высоки, что нам необходимо готовить себя к неизбежному перегрузкам, неожиданностям. Быть физически слабым в нашем мире — значит сделать гораздо меньше, чем отпущено природой».

Полвека он трудится в кино. Невозможно даже перечислить сыгранные им роли, вернее, жизни, прожитые им на экране, совершенно не похожие одна на другую. Критики восхитались его необыкновенным даром перевоплощения. Сергей Михайлович Эйзенштейн во время съемок картины «Иван Грозный», где Кадочников играл сразу трех персонажей — князя Владимира Старицкого, Халдея и царского духовника Евстафия, сказал ему вполне серьезно: «Вы так перевоплощаетесь, что могли бы сыграть в моем фильме все роли до единой». А после съемок подарил артисту свою фотографию: «Дорогую оборотню Павлу, с необыкновенной легкостью проходящему километры извилистых путей — с помощью одной свечки».

С легкостью? Когда в зимнем

лесу под Звенигородом начались съемки «Повести о настоящем человеке», актер решил: никакой бутафории, никаких дублеров, буду делать все именно так, как было. И он часами, подтягиваясь на руках, полз по снегу (вспомните этот нечеловеческий восемнадцатидневный путь раненого летчика). Он один на один снимался в эпизоде с медведицей. А потом, когда его герой лишился ног, попросил изготовить для себя специальные протезы и ходил только на них — чтобы ощутить муку, боль, которую вытерпел Мересев.

Ни в чем не поступаясь своими принципами, творя самого себя, он в самые трудные минуты не утрачивал главного — оптимизма, спокойной доброты, человечности, высочайшей требовательности к себе — черт, которыми наделены его герои.

— Конечно, не все старые картины дожили до наших дней. Но вот в этом году по телевидению опять показали фильм «Антон Иванович сердится», спустя сорок четыре года после выхода на экран. А меня поздравляли как с премьерой. Никита Михалков сказал после просмотра: «Сейчас нам не делать такую картину. Вы были другие люди, наивней и чище». Мне думается, в этой чистоте и наивности — секрет обаяния старых лент...

И опять звучит его голос, артист вспоминает работу над ролью Романа Роллана в телефильме «Жизнь Бетховена»: «У меня осталось такое ощущение, будто я перед съемками вовсе не учил текст. Мне казалось, что все, о чем говорит Роллан, я знаю давным-давно. Каждое слово ложилось на душу, и с каждым я соглашался. Надо верить в то, что говоришь. Мне абсолютно неважно, что делает мой герой, когда размышляет, — он мог, скажем, курить, мог что-то набрасывать карандашом, мог, наконец, гладить кошку... Режиссер сознательно не дал мне никаких приспособлений — и не нужны они были. Неважно, чем заняты руки, важно, чем занята голова. А мысли — это тоже поступки».

ХОТЕЛ я поставить точку, но само собой получилось многоточие, потому что не могу не закончить рассказ о народном артисте строками любимого поэта: «Прощу простить. Я сожалею. Я не смогу. Я не приду. Но мысленно — на юбилее, в оставленном седьмом ряду. Стою и радуюсь, и плачу, и подходящих слов ищу, кричу любые наудачу, и без конца рукоплещу... Смягается времен суровости, теряют новизну слова. Талант — единственная новость, которая всегда нова».

В. НЕВЕЛЬСКИЙ,
соб. корр. «Известий».

ЛЕНИНГРАД

КУЗНЕЦОВ
Г. Москва

28 июля 1985